

ДИАЛЕКТИЗМЫ В ПОВЕСТИ В. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»

Вологодский писатель В. И. Белов выступил в 1966 году в журнале «Север» с талантливой повестью «Привычное дело», вошедшей позже в однотомник избранных произведений Белова «За тремя волоками» («Советский писатель», М., 1968).

Реалистическое, народное по духу произведение о недавнем прошлом вологодской деревни, о трудностях ее развития, о душевном богатстве человека-труженика стало, по справедливому отзыву Ф. Кузнецова («Правда», 3 марта 1967 года), значительным событием среди произведений истинно гражданской литературы о деревне.

Чрезвычайно выразителен язык повести.

Выразительность и сочность языка повести, его народный характер в значительной степени достигается органическим слиянием в языковой ткани произведения элементов общенародного, литературного языка, просторечия и диалектного языка, элементов живой, севернорусской речи, севернорусских и прежде всего вологодских говоров, с которыми В. Белов, уроженец Вологодской области, хорошо знаком.

В данной статье рассматриваются именно диалектизмы как один из компонентов языковой ткани произведения.

В повести «Привычное дело» встречаются разнообразные диалектные элементы, то есть лексические (как собственно лексические, так и этнографические), семантические, фразеологические, грамматические (как морфологические, так и синтаксические), словообразовательные и фонетические диалектизмы (на 40 примерно тысяч слов текста, по нашим данным, приходится свыше 1200 диалектизмов).

Наиболее широко употребительны в повести лексические (их более 450) диалектизмы. Они обильно встречаются в речи персонажей и служат средством речевой характери-

стики последних, придают речи героев повести неповторимый местный колорит.

Лексические диалектизмы (а среди них заметно преобладают диалектизмы собственно лексические), то есть элементы диалектной, прежде всего севернорусской, вологодской лексики отмечены в речи всех героев повести как главных (Иван Африканович, Катерина, Мишка, Евстоля), так и эпизодических.

Приведем примеры собственно лексических диалектизмов. (Рамки статьи не позволяют здесь и далее привести весь иллюстративный материал). Неоднократно в речи героев повести, а также в авторской речи употребляется слово «мужик» в значении *муж, супруг*.

«Ежели замуж выйдешь, дак одно от тебя *мужику* разоренье». (Журнал «Север», 1966, № 1; «Привычное дело», гл. III, стр. 32, — старик Куров. Далее приводим ссылки только на главы и страницы).

«Сливая молоко, она опять ласково ухмылялась, вспоминая *мужика*» (авторская речь; I, с. 28).

В словарях современного русского литературного языка слово «мужик» в значении *муж, супруг* приводится со следующими пометами: «просторечное» («Словарь современного русского литературного языка», далее сокращенно БАС¹), «просторечное» и «областное» («Словарь русского языка», далее сокращенно МАС²). В значении *мужчина* слово «мужик» в обоих словарях имеет помету «просторечное». Герои повести Белова — крестьяне и, естественно, что все они для обозначения понятия *муж, супруг* употребляют привычное, для их речи стилистически нейтральное слово «мужик».

Для обозначения понятия «жена» в повести употребляется только слово «баба». Литературный синоним «жена» в речи героев повести не встретился ни разу, диалектизм «баба» — более 10 раз. Примеры.

«Нагребли мы два мешка, оставили только *бабе* весной на семена. Да. А *бабу* мою Митька успокоил, насулил всего, и она смякла *баба-то*. (Ив. Афр., V, с. 70). *Бабой* Иван Африканович называет горячо любимую им жену.

Слово «баба» в значении *жена* в словарях современного русского литературного языка имеет помету «областное» и «просторечное»³.

При обращении к мужчине любого возраста герои по-

вести неоднократно употребляют слово «парень»: «Да на счет чего, *парень?*» (Еремиха, III, с. 42). БАС⁴ указывает, что слово *парень* в значении *мужчина вообще* — принадлежность просторечия. Отметим, что слово «парень» в качестве ласкового обращения употребляется героями повести и по отношению к животным мужского пола, что является, возможно, особенностью лишь диалектной речи. Например: «...увидел неподвижного воробья: подвернул серую головку и не шелохнется: «Жив ли ты, *парень?* — спросил Иван Африканович». (II, с. 27).

Из числа лексических диалектизмов отметим еще слово «баской» — красивый. Например: «Меня не любят девушки, только бабы *небаские*, да и то за денежки». (В частушке, которую поет Мишка-тракторист, IV, с. 50).

Прилагательное «баской» образовано от существительного «баса» — краса, красота. В. И. Даль⁵ приводит в словарной статье «баса» глагол «басить» с пометой «северо-восточное». В олонекских говорах *баской* — *хороший, красивый*⁶, в архангельских — *баской, басой, басистой* — *красивый, нарядный*⁷, в ярославских — *баской, басой* — *нарядный, щеголеватый, хороший красивый*⁸, в сибирских говорах — *баской* — *красивый*⁹, в псковских — *баской* — *красивый, хороший*¹⁰. «Словарь русских народных говоров» свидетельствует о широком распространении в говорах и прежде всего в говорах севернорусских упомянутого слова¹¹.

В речи героев повести отмечены также следующие собственно лексические диалектизмы: *батог* — *палка, посох*; *божат* — *крестный отец, божатка* — *крестная мать*; *братан* — *двоюродный брат*; *гоношиться* — *хлопотливо заниматься хозяйственными делами по дому*; *грамотка* — *бумага, написанная от руки*; *домовина* — *гроб*; *загорода* — *огород при доме, приусадебный участок*; *облоктись* — *одеться*; *обрадеть* — *обрадоваться*; *обутка* — *обувь*; *отпышкаться* — *отдышаться*; *полица* — *деревянная полка: поскотина* — *пастбище, огороженный выгон для скота*; *угор* — *возвышенность, холм*; *упетать* — *утомить* и др.

Описывая северную природу, ландшафт, жизнь и быт своих героев, В. Белов охотно прибегает к использованию этнографических диалектизмов. Цель их употребления — создание местного колорита, реалистическое описание обстановки, которая окружает героев повести. Отметим, однако,

что в целом число этнографических диалектизмов по сравнению, например, с диалектизмами собственно лексическими сравнительно невелико. Примеры этнографических диалектизмов в речи персонажей повести. Из-за недостатка места опускаем ссылки на словари, свидетельствующие о диалектном характере слов и территории их распространения.

Куть — часть избы, предназначенная для кухни, где помещается русская печь, полка для посуды и кухонной утвари. «Чую, в куте половица скрипнула...» (Евстоля, VII, с. 80).

Сенник — холодная комната в крестьянской избе, отделенная от теплой сенями, чулан. «В Нюшкином-то сеннике кто три дни отсиживался?» (Евст., V, с. 60).

Поветь — помещение под навесом в крестьянском дворе для хранения хозяйственного инвентаря, сена. «...взял топор, боком, бодрясь пошел на поветь» (Катерина, I, с. 29).

«Специфические для говоров слова, — справедливо замечает В. Н. Прохорова¹², — сохраняют свежесть прямого значения их корня. Новые и необычные для литературного языка слова говоров уже вследствие этой новизны воспринимаются как слова экспрессивные и эмоционально окрашенные и являются ценным средством художественного изображения».

Преимущественно в речи героев повести отмечены так называемые семантические диалектизмы, то есть случаи, когда слово, известное и общенародному языку, имеет специфически диалектное значение. Таково, например, слово «чуять». Этот глагол отмечен в «Привычном деле» в значениях: *слышать, чувствовать*, причем, в первом значении — не только в речи персонажей, но и в авторской, а во втором значении — лишь в авторской речи; глагол «чуяться» (отмечены только формы прошедшего времени) — в значениях: *слышаться, чувствоваться* — только в авторской речи.

Примеры.

«Вот, милая, только я задремала на печи-то, *чую*, в куте половица скрипнула». (Евст., VII, с. 80);

«Где-то вдалеке *чуялись* бравурно-печальные крики изнемогающей в полете журавлиной стаи». (Авторская речь, VII, стр. 88).

В «Словаре русского языка»¹³ приводится ряд значений глагола «чуять». Помету «разговорное» имеют значе-

ния: *ощущать, чувствовать, предчувствовать, предполагать*. Диалектное значение *слышать* в этом словаре не указано. В «Словаре современного русского литературного языка»¹⁴ с пометой «областное» приведено значение *слышать*; с пометой «разговорное» — значения: *обонять, ощущать запах, слышать звуки, внутренне ощущать* (о человеке), *предчувствовать, предполагать*. Глагол «чуться» со значениями *чувствоваться, ощущаться* в обоих словарях имеет помету «разговорное». Глагол «чуть» в значении *слышать* является, по данным В. И. Даля,¹⁵ северным, а именно новгородским, пермским, вятским, архангельским. Формы «чуть», «чуть» — *слышать* известны, по свидетельству А. Подвысоцкого¹⁶, — архангельским, по данным Г. Куликовского¹⁷, — олонецким, Н. М. Васнецова¹⁸ — вятским, Л. А. Ивашко¹⁹, — печорским, В. Н. Добровольского²⁰ — смоленским говорам. По данным «Опыта областного великорусского словаря»²¹, упомянутое слово известно пермским, смоленским и воронежским говорам. Многие вологодские говоры знают глагол «чуть» в значении *слышать*²².

Приведем еще один пример семантического диалектизма (в речи персонажа) — *тосковать* — *болеть*.

«...И печь не могла топить, вот как руки *тосковали*». (Степановна, I, с. 25).

К числу семантических принадлежат также диалектизмы: *ворота* — *дверь, которая ведет с улицы в сени крестьянской избы*; *девка* — *ласковое обращение к женщине любого возраста, даже старой*; *зоб* — *рот*; *худой* — *плохой* и др.

«Стилистическая роль крестьянской и мещанской лексики, вкладываемой в уста героев повествования, — писал Л. А. Булаховский²³, — приблизить читателя к бытовым впечатлениям, создать у него настроение, близкое к роли наблюдателя».

Преимущественно в речи героев повести употребляются фразеологические диалектизмы. Они отмечены, например, в речи Ивана Африкановича, Мишки, героев, наделенных, по воле автора, чувством юмора.

Примеры.

«Тут уж, ежели я выпил, мне встречу слова не говори и под руку не попадай, у меня рука кому хошь *копоти нагонит*...» — образно говорит о себе Иван Африканович (1, с. 9).

«Вон и деревню видно, сдадим мы товар, самовар поставим, нам теперь *все вчера до обеда*» (то есть все нипочем). Ив. Афр., 1, с. 10.

«*Потрешь из носу на кулак*, пока вырастут», — Ив. Афр. о детях, которых у него девять человек; I, с. 17.

В авторской речи фразеологические диалектизмы единичны. Например: «*Мишка захохотал изо всей правды*, по-настоящему захохотал». Писатель счел необходимым тотчас пояснить значение фразеологизма.

Лексические, семантические и фразеологические диалектизмы обычно не разъясняются в тексте повести (такова особенность стиля писателя), так как значение диалектного слова или оборота, имеющего обычно обширную территорию бытования, понятно из словесного контекста. В. Белов, выражая озабоченность по поводу опасности обеднения языка художественной литературы, видя это обеднение, в частности, в уменьшении образности, полнокровия живописности языка, писал в журнале «Русская речь»: «Удивляет... пристрастие к сносам в сносах, указание на то, что вот, мол, это слово народное, это устарелое...»²⁴.

В отдельных случаях (они единичны в повести) в речи персонажа в одной фразе, наряду с лексическим диалектизмом, все же употребляется его литературный синоним. Сам герой прямо или косвенно разъясняет значение диалектного слова.

Примеры.

«...а *домовину-то* Федор строгал, я угольков-то разожгла в чугунке да обнесла, обкурила *гроб-от* (Евст., VII, с. 81).

«Я их на *чуночках*, на *санках* то-есть». (Ив. Афр., 1, с. 19).

«Я ему всурьез, а он только *бухтины гнуть*. Только и знаешь *языком плести*», — говорит старику Курову бойкая бабенка Дашка-путанка, которая не ползет за словом в карман. Здесь с помощью соответствующего синонимического фразеологизма литературного языка «*плести языком*» разъясняется (и делает это сам персонаж) диалектный фразеологизм «*бухтины гнуть*». *Бухтина* — вологодское, архангельское — *ложь, враки, нелепые слухи, шутки, красное словцо*²⁵.

Лишь в одном случае автор разъясняет в сноске значение диалектного слова, этнографического диалектизма, упо-

требленного героем. Иван Африканович думает о том, что ему необходима новая лодка, думает о том, как ее сделать: «...Можно срубить, обтесать нос и корму, насверлить дырки для *сторожкóв* и вытесать ей нутро». «Сторожки, — замечает В. Белов в сноске, — одинаковой длины палочки, вставляемые в ствол осины для того, чтобы при выдалбливании знать толщину стенок будущей лодки и не передолбить лишку». (VII, с. 83). Кстати, авторская конструкция «передолбить лишку» является либо просторечной, либо даже диалектной.

√ Лексические диалектизмы многочисленны и в авторской речи (их около двухсот от общего количества фактов). Обилие их в авторской речи — особенность стилевой манеры Белова. Подавляющее большинство лексических диалектизмов в авторской речи, по нашему мнению, стилистически оправдано. Их употреблением достигается большая достоверность изображения действительности, большая образность, авторская речь приобретает непринужденный разговорный характер, сближается с речью героев. Стилистическая целесообразность употребления лексических диалектизмов в авторской речи особенно очевидна в тех случаях, когда авторская речь дается как бы через призму рассуждений и переживаний героя, автор излагает мысли персонажей от своего лица, то есть в так называемой «свободной косвенной» или «несвободно прямой речи».

Например:

«Ой, путанка лешова, не зря трясла подолом в поскотине, куда ходили городить огород». Это пример несобственно прямой речи. Белов передает воспоминания Катерины.

Или: Катерина возвращается из больницы. Автор знакомит читателя с ее мыслями. «Безлюдно. У всех ворот батоги, видно уж и на силос косят. Батог и в скобе у своих ворот». (III, с. 35).

Обилие лексических диалектизмов в авторской речи объясняется и тем, что авторская речь в количественном отношении преобладает в повести (особенно, если иметь в виду также несобственно прямую речь) над речью персонажей. Вот некоторые примеры лексических диалектизмов в авторской речи: *батог, загорода, ворота, полица, поскотина, угор, костер дров — поленница дров, льва — болото, обряться — упривляться по хозяйству*: убирать пзбу, то-

пить печь, кормить скот и т. д., *огород* (а) — *забор, оцеп — длинный шест, прикрепляемый к потолку, на нем и качается детская колыбель, пожог — костер* (в поле, в лесу), *стайка* — *помещение для скота, хлев, портомой — плот или другое устройство на реке для стирки и полоскания белья, чапыжник — частый кустарник, хряснуть — ударить, сильно хлестнуть, хряснуться — упасть* (в речи персонажей отметим: «Разломило меня всего, *расхрястали*» — *избили*. Ив. Афр., III, с. 41.); с переносным значением: «*Нюшка... на два стога нахрястала*» — *быстро накосила*. (Степ., VII, с. 80.).

Очень интересной стилистической особенностью повести, одним из средств достижения образности является метафорическое употребление диалектизмов в авторской речи.

Примеры.

«И опять *зашаялась* в сердце скорбная горечь». (VII, с. 84).

«И сразу все успокоились, доверительные разговоры *зашаялись* в трех местах». (IV, с. 55).

Слово «шаять» — *гореть без пламени, тлеть* является, по данным областных словарей русского языка, олонецким²⁶, архангельским²⁷, сибирским²⁸, северным²⁹.

«В белой пыли большой дороги захлебывались, *пышкали* машинные скаты: отпускиники валили гужом». (V, с. 68).

«*Пышкать*» — *тяжело дышать, задыхаться*. Слово не отмечено словарями современного русского литературного языка.

Упомянутые метафоры представляются нам чрезвычайно удачными.

Употребление некоторых (немногих) лексических диалектизмов в речи героев и особенно в авторской речи все же, по нашему мнению, не вполне оправдано. Например:

«А вот хошь, сейчас привернем, хоть сейчас и сосватаю!» (Ив. Афр., I, с. 12). «А что думаешь *сгузаю*», — отвечает Ивану Африкановичу Мишка. (I, с. 12). Глагол (с) *гузать* не отмечен словарями русского литературного языка.

Словесный контекст едва ли помогает читателю понять значение диалектного слова «сгузаю». Только обращение к словарю В. И. Даля, а также к диалектным словарям русского языка позволяет понять его значение. *Гузать* (в словарной статье «гуза» у В. И. Даля — *пялиться, не уста-*

ивать в слове, робеть, трусить, отказываться—вологодское; гуза—нерасторопный, вялый, мешковатый человек³⁰. В олонекских говорах³¹ сгузать — трусить, испугаться.

«Мшистый колодник не давал идти, сучья древних сушин дергали за фуфайку» (речь автора).

Словесный контекст позволяет лишь до известной степени предполагать, что имеются в виду, по-видимому, какие-то болотные растения, но так ли это, не вполне ясно. В БАС³² слово «колодник» приводится с пометой «областное» со значением *бурелом*. Из числа просмотренных нами областных словарей мы встретили слово «колотик» со значением *водяное лекарственное растение* только в «Словаре областного олонекского наречия»³³. У В. И. Даля находим: «колодник—бурелом в лесу»³⁴.

«Подошел другой, знакомый Рогуле мужик, пахнувший трактором и табачным дымом, сел на стелюгу». (VI, с. 77).

Из словесного контекста читателю едва ли ясно, что такое *стелюга*. Словари современного русского литературного языка не содержат этого слова. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля³⁵ в словарной статье «стлать» находим: *стелюга — долгое тонкое бревнышко (в лесах на стройке), настилка, стлань, козлы для шукатуров и маляров*.

Почувствовав, по-видимому, что этот диалектизм может быть непонятен читателю, В. Белов чуть дальше на той же странице косвенно разъясняет значение этого слова. «Ее черно-пестрая шкура (речь идет о корове) висела на коромысле внутрь шерстью, а на четырехногой деревенской стелюге, на которой пилят дрова, лежала и остывала большая Рогулина голова». (VI, с. 77). Лишь теперь становится очевидным, что «стелюга» — *козлы, подставка для пилки дров*.

По поводу случаев подобного рода Л. А. Булаховский замечал: «Вне задач собственно стилистических проникают в язык писателей также провинциализмы, которых они сами не воспринимают как необычные для своей речи. Такие элементы, естественно, немногочисленны и случайны»³⁶.

Преимущественно в речи героев повести отмечены словообразовательные диалектизмы. Например: *бабицы — бабы, зоотехница — женщина-зоотехник, работальницы — работницы, матка — мать, поотдохнуть* и другие. Всего таких диалектизмов, по нашим данным.—11.

Речь героев повести изобилует грамматическими диалектизмами. Герои повести — крестьяне — носители ряда ярких диалектных грамматических особенностей, сохраняющихся до сих пор в вологодских говорах. Приведем некоторые примеры.

Существительные мужского рода с суффиксами *-ушк*, *-ишк*, *-к*, обозначающие лицо и имеющие в именительном падеже единственного числа окончание *-о*, изменяются в вологодских говорах в отличие от литературного языка по образцу второго склонения. Эта диалектная особенность нашла отражение в речи героев повести.

«А вот мы с *Ванюшкой* и пробудились, вот мы с миленьким проголодались» (Катерина, V, с. 66).

«Я *мальчишко*-хулиган, меня не любят девушки...». (Мишка, IV, с. 50).

Для вологодских говоров характерно окончание *э* в дательном и предложном падежах единственного числа существительных третьего склонения. И эта диалектная особенность запечатлена в речи персонажей — людей старшего поколения.

«А вот когда я в *Сибире* был, дак...» (Куров, IV, с. 50).

«Чую, в *куте* половица скрипнула...» (Евст., VII, с. 80).

Имена прилагательные мужского рода с твердой основой имеют в вологодских говорах как ударяемое, так и безударное окончание — *ой*, с мягкой основой — *эй*. Эта местная особенность нашла широкое отражение в повести в речи персонажей.

«Вон из-за него *озимой* сев срываем». (Председатель колхоза, IV, с. 56).

«Не *пьяной* парень..., *голодной*..., — еле вымолвал Иван Африканович». (VII, с. 89).

«Кот-от у нас *тяжелой* на ногу». (Евст., VII, с. 80).

Подобных случаев нами зарегистрировано в повести 27.

Под влиянием, главным образом, орфографии носители вологодских говоров усваивают в настоящее время безударные флексии — *ый*, *-ий* в именах прилагательных. В речи персонажей анализируемой повести нашли отражение и такие формы, то есть отразились живые процессы, происходившие в говорах.

Приведем примеры.

«Пошли мы в тыл к немцу, — рассказывает Иван Африканович, — Мишуха *рязанской*, да татарин Охмет, да на-

ших вологодских двое, *устькубинский* Сапогов Олешка и еще один...». (III, с. 40).

«И чую, будто бы голос, до того *явственный, тихой* такой голос, вроде как будто баушка-покойница говорит...» (Евст., VII, с. 80).

Формы инфинитива на — *кчи* наблюдаются во многих вологодских говорах. Сравни в речи Ивана Африкановича: «Заказала бы с кем, встретил, лошадь долго ли *запрягчи*». (III, с. 37).

В речи героев повести нашли отражение и некоторые синтаксические особенности вологодской речи. Таковы, например, конструкция: предлог *по* с винительным падежом существительного в значении цели: «Вон *по мышей* пошел по капусте...» (Куров, III, с. 32); повторение предлогов перед определяемым словом и определением — черта чрезвычайно характерная и для языка фольклора: «*От старшой-то, от Таньки-то* ходят письма?» (Степановна, I, с. 26); «Не много и жить осталось, *леший с ней и с жизнью-то*». (Пятак, IV, с. 51).

Для подчеркивания, выделения отдельных слов, относящихся к категории имени, в вологодских говорах, как и в севернорусском наречии вообще, широко употребляются постпозитивные частицы: *то, от, та* и т. д. В тексте повести наблюдается более 270 случаев употребления постпозитивной частицы, особенно часто (более 250 раз) встречается несогласуемая частица *-то*.

Примеры: «А и *ты-то* парень у нас не худой, чего говорить». (Ив. Афр., I, с. 11); «Вот только бы ее выносить, а *Иван-от* в избу, да с порога *на гроб-от* и хлесть...» (Евст., VII, с. 80); «*Медаль-ту* за какие тебе пазии выдали? Больно хорошая *медаль-та*». (Куров, III, с. 38).

В вологодских говорах, как и в большинстве севернорусских, употребляется частица *дак*, имеющая, по словам А. Б. Шапиро³⁷, выделительно-усилительное значение. Часто эта частица употребляется в конце предложения, как бы заключая высказанную мысль.

Примеры: «*Дак ты-то* какова здоровьем-то?» (Евст., I, с. 25); «А вот когда я в Сибири был, *дак...*» (Куров, IV, с. 50).

Грамматические диалектизмы почти фотографически отражают диалектные явления, свойственные вологодским говорам.

Фонетические диалектизмы, отличаясь меньшей эмо-

циональностью, в повести сравнительно малочисленны и наблюдаются только в речи героев-представителей старшего поколения (старики Куров, Федор, Степановна, Иван Африканович).

Из числа фонетических явлений, характеризующих вологодские говоры, в речи героев повести находят, например, отражение следы полного оканья.

Примеры: «Захожу, а в каптерке все мои дружки: и *Олешка* Сапогов, и татарин *Охмет*, ну и Мишуха рязанской там был». (Ив. Афр., III, с. 41); «...В этой войне было, значит, сперва только два героя, это Матросов *Олександр*, да Теркин...» (Федор, III, с. 41); «Только мужиков смущает, *сотона* полосатой». (Бабы, IV, с. 49).

В то же время слова, пришедшие в говор из литературного языка, звучат в устах персонажей — носителей говора в акающей огласовке. Например: «Медаль-ту за какие тебе *пазиции* выдали?» (Куров, III, с. 38): «На стену бы для *патрета*...» (Бабы, I, с. 16); Митька, неунывающий разбитной мужик поет блатную песню: «Их, *маладой жулик, маладой жулик* Начальника просит. Ты начальникек, *Атпусти да дому*... Эх, ты напейса *вады холодной, Пра любовь* забудешь...» (IV, с. 50)

Окающее произношение героев В. Белов передал орфографически в одиннадцати случаях.

В двух случаях в речи старух Евстоли и Степановны отражается произношение *и* на месте *ятя* под ударением перед мягкими согласными: «Приди уж, Степановна, в сорочины-ти, приди, *шестая нидилька* ведь пошла, *шестая*...» (Евст., VII, с. 81); «Ой, ой, хоть бы *на нидильку, нидильку*...» (Степановна, I, с. 25).

В речи персонажей отразилось и еканье: «Да... да... *как жо*, милая, как не кормить...» (Степановна, VII, с. 79); «*Ой, к лешому, к водяному!*» (Дарья, III, с. 32).

Твердое произношение долгих шипящих, одна из особенностей многих вологодских говоров, нашло отражение в речи героев повести. Примеры: «Попробуй, — говорят, — лейтенанту пожалуйста, мы тебе *ишишо* навешаем». (Ив. Афр., III, с. 41); «Как думаешь, не будет *дожжа-то?*» (Бригадир, III, с. 33).

Писатель также отразил в речи персонажей диссимиляцию согласных в сочетаниях *кт*, *чн*. Например: «Я говорю, что Дрынова *кто* зажмет? *Некто*...» (Ив. Афр., I, с. 9);

«...бывало, бежишь по мосту весь *праздншшой*, дак копыт-ка-ти у тебя так и брякают...» (И. Афр., I, с. 9).

Таковы некоторые наблюдения над использованием диалектизмов в повести В. Белова «Привычное дело».

Л. А. Булаховский писал: «Можно назвать ряд писателей, у которых любовь к крестьянской речи и стилизация под нее становятся типическими чертами их собственного слога. К таким можно причислить... В. Даля, П. Мельникова-Печерского, С. Максимова, из наших современников такого прекрасного мастера, как М. Шолохов..., А. Чапыгина, Ф. Панферова..., Л. Леонова... и ряд других; в стихотворной форме—Демьяна Бедного, Твардовского, Яшина и т. д.»³⁸.

Мы отнесли бы сюда и Василия Белова, которому, по нашему мнению, удалось достичь удивительного единства содержания произведения и его формы, имея в виду язык.

Примечания

¹ Словарь современного русского литературного языка в 17 томах (Далее БАС). М.—Л., 1948—1965, том VI, с. 1344.

² Словарь русского языка в 4 томах (Далее МАС). М., 1957—1961, том II, стр. 423.

³ МАС, т. I, стр. 52; БАС, т. I, стр. 233.

⁴ БАС, т. IX, стр. 186.

⁵ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. М., 1955; т. I, стр. 52.

⁶ Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898, стр. 3.

⁷ А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885, стр. 4.

⁸ Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961, стр. 29.

⁹ Словарь русских говоров южных районов Красноярского края Красноярск, 1968, стр. 11.

¹⁰ Псковский областной словарь, вып. I. Изд. ЛГУ, 1967, стр. 128.

¹¹ Словарь русских народных говоров, вып. II. М.—Л., изд. «Наука», 1966, стр. 132.

¹² В. Н. Прохорова. Диалектизмы в языке художественной литературы. М., 1957., стр. 8.

¹³ МАС, IV, стр. 949 — 950.

¹⁴ БАС, XVII, стр. 1220 — 1221.

¹⁵ В. И. Даль. Толковый словарь..., IV, стр. 616.

¹⁶ А. Подвысоцкий. Словарь..., стр. 190.

¹⁷ Г. Куликовский. Словарь..., стр. 134.

¹⁸ Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1927, стр. 347.

¹⁹ Л. А. Ивашко. Лексика печорских говоров. Кандидатская диссертация. Ленинград, 1956, стр. 133.

²⁰ В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914, стр. 992 — 993.

²¹ Опыт областного великорусского словаря, изданного Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852, стр. 260.

²² Т. Г. Паникаровская. Из наблюдений над лексикой вологодских говоров. «Вопросы теории и истории русского языка». Северо-Западное книжное издательство, 1967, стр. 140.

²³ Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, ч. I Киев, 1952, стр. 72.

²⁴ В. Белов. Чистота, толкающая к убожеству. «Русская речь», 1969, № 2, стр. 43.

²⁵ В. И. Даль. Толковый словарь..., I, стр. 146.

²⁶ Г. Куликовский. Словарь..., стр. 136.

²⁷ А. Подвысоцкий. Словарь..., стр. 191.

²⁸ Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби, том III. Томск, 1967, стр. 237; Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968, стр. 221.

²⁹ В. И. Даль. Толковый словарь..., IV, стр. 625.

³⁰ Там же, I, стр. 406.

³¹ Г. Куликовский. Словарь..., стр. 105.

³² БАС, V, стр. 1174.

³³ Г. Куликовский. Словарь..., стр. 39.

³⁴ В. И. Даль. Толковый словарь..., II, стр. 139.

³⁵ Там же, IV, стр. 326.

³⁶ Л. А. Булаховский. Курс..., стр. 73.

³⁷ А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Изд. АН СССР, 1953, стр. 249.

³⁸ Л. А. Булаховский. Курс..., стр. 71.
